

Константиин Костинов

Константин Костин

Ксенофанское верно

Роман

Москва, 2012
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
К72

Художник
С. А. Григорьев

Костинов К.

К72 Ксенотанское зерно: Фантастический роман. — М.:
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012. — 346 с.: ил.

ISBN 978-5-9922-1227-3

Неспокойно в славном городе Друдене, столице Нассбергского королевства... Пахнет плесенью, слуги Грибного Короля плетут интриги против местного короля — генерала Неца, мудрого и доброго... Или нет? Или это дворяне поднимают восстание против злого и жестокого Темного Властителя, того самого генерала Неца? Кто прав? Кто виноват? И чью сторону принять вольному крестьянину Якобу, в чьей телеге случайно спряталась молодая дворянка? А ведь всего и хотел, что зерно купить...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1227-3

© Константин Костинов, 2012
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012

ГЛАВА 1

В деревне Черный Холм, что раскинулась на берегу Козьей речки у города Штайнц, который находится в королевстве Нассберг, названного в честь низкой горной цепи, со склонов которой сбегает множество речек и ручьев, на чьих берегах копают знаменитую нассбергскую глину, из которой местные умельцы-гончары лепят не менее знаменитую нассбергскую посуду, в особенности кубки, из которых так хорошо пьется красное вино из виноградников Диводура, который располагается к западу от Нассберга, но не по соседству, так как между ними лежат такие государства, как королевство Фоллердрахен, славное своей сталью, маленькое баронство Кнебель, известное своими плотниками, прославленное своими медными рудниками маркграфство Штиппе, а также герцогство Цвек, в котором делают знаменитые двери из не менее знаменитого дуба, который...

Постойте, о чем это я? Ах да...

Так вот, в деревушке Черный Холм жил старик-крестьянин по имени Ганс. Жил не сказать, чтобы плохо, для труженника нет ничего невозможного. Пахал землю, продавал зерно на ярмарках. Отремонтировал и запустил старую мельницу, которая вот уже несколько десятков лет стояла заброшенная. Высадил чудесный яблоневый сад. Построил дом — высокий, трехэтажный, где стены и потолок были исчерчены темными балками. Благо, есть кому жить в этом доме.

Было у старика Ганса три сына. Все три как на подбор, каждым крестьянин гордился. Каждому есть что оставить в наследство.

Да вот только не всем удастся дожить до девяноста лет. Вот

и Гансу не удалось: всего шестьдесят восемь, а смерть уже на пороге.

Старый Ганс приоткрыл глаза — в последний раз взглянуть на небо. Его кровать стояла во дворе: два старших сына только что вынесли ее, чтобы отец отходил в мир иной не в темной и душной комнате, а на свету и свежем воздухе.

— Иоганн... Ты здесь... — проскрипел старик.

— Здесь, отец, здесь. — Старший сын крепко держал за руку беременную жену.

— Фриц...

— И я здесь. — Средний стряхивал мучную пыль: пшеницу деревенские жители уже сжали, обмолотили и теперь возили зерно на мельницу.

— Якоб... Якоб...

— Якоб в поле, отец. За ним уже послали.

Да, конечно, тяжелобольной в доме — очень плохо. Однако работа в деревне продолжается, и коров в поле гнать кому-то надо. Да и сидеть днями у постели отца, ожидая, когда же тот наконец испустит дух, оно как-то...

Младший сын Якоб лежал в тени прибрежной ракиты и смотрел, как облачка плывут по небу, медленно-медленно. День был тихий.

В полдень уже жарко, и коровы потянулись к реке, чтобы напиться. Пастух повесил кнут на торчащий сучок и прилег отдохнуть.

Было Якобу всего-то семнадцать лет, и отец уже давно мучил его вопросом, когда же наконец его младший женится. Когда да когда... Ну куда торопиться? Отец хотел наследников? Так вон у Иоганна жена уже вторым беременна, Фриц всего месяц как женился, того и гляди, скоро и у него сыночек появится. А Якобу торопиться некуда. Тем более что он еще... как бы... не очень точно знает, что делать с молодой женой, когда она наконец заведется.

Нет, общее направление Якобу было известно, все-таки в деревне живет, но вот опыта было мало. Очень мало. Да что там, вообще не было. Обходили Якоба девушки. И чего им, спрашивается, надо? Вроде не урод. Можно даже сказать, красавец.

Парень прополз на животе по толстому стволу, склонившемуся над рекой, и посмотрел на свое отражение.

Из воды на него глядело круглое, как лепешка, лицо, с большими глазами, чуть прикрытыми набухшими веками. Нос-картофелина, уши-лопухи, толстые губы, низкий лоб, к которому прилипли колечки волос... И все это бледно-зеленого цвета.

— А ну, кыш! — Якоб махнул кулаком. Русалка обиженно булькнула и ушла в глубину.

Жил здесь речной народ, вон там, в омуте под старой корягой. Две взрослые русалки и три молодые, совсем девчонки. Местные их не трогали: что в русалках опасного? Ну, утащит на дно, ну, утопит. Ну, сделают они из тебя рагу под жабьей икрой, ну и все. Тут главное — осторожность соблюдать: ночью к реке не подходить, пьяным да голым не купаться, если ты рыжий — всегда на шее козье копытце носи, когда к воде приближаешься, а если сапожник, то дубовый желудь. Все просто.

— Ах ты... — Якоб вскочил и начал отплевываться: мстительная русалка подкралась к задумавшемуся парню и ловко плюнула тому в рот струей пахнувшей болотом и тиной воды.

— Якоб! Яко-об!

На склоне холма мелькало белое платье: к парню бежала Хильда, соседская девчонка. Вот хоть ее возьми: сколько Якоб с ней разговаривал, пряниками угощал, а она только смеется да уворачивается. Говорит, муж мой будет только солидным да богатым, а не молодым парнишкой, у которого всего и имущества, что папенька подарил.

— Якоб, ты что тут делаешь? — Девчонка с подозрением взглянула на мокрую рубаху.

— Да я... это... с русалкой...

— Некогда веселиться. Отец твой умирает, к себе зовет. Наследство будет делить.

Умирает? Якоб сорвался с места.

— Яко-об! — крикнула ему вслед Хильда. — Ты смотри, если наследство будет хорошее, я за тебя пойду-у!

Нашла время.

— Дети мои... — Отец осмотрел запыхавшегося Якоба и

удовлетворенно закрыл глаза. — В наследство вам оставляю я... А где священник?

Якоб посмотрел на Фрица, Фриц — на Иоганна, тот оглядел двор. Священника не было.

— Вы что, не позвали священника? Иди... — Ганс закашлялся. — Идите за ним, бегом...

Через пять минут во дворе были и отец Вальтер и еще два крестьянина-соседа как свидетели.

— Все здесь?

— Все, все...

Три брата стояли в ряд, все молодые, крепкие, широкоплечие. Может, ростом их бог и обделил, невысоки были сыновья, ну так и сам Ганс рослым не был. Зато сразу видно — его сыновья, одинаковы, как будто близнецы. Светлые волосы пострижены коротко, как стерня в поле, круглые головы, и у всех троих одинаковые ярко-синие глаза. И упрямые лбы. Если им чего в голову взбредет, пока не сделают, не отступятся.

«Моя порода», — подумал старик.

— Иоганн, ты здесь?

— Здесь, здесь...

— Фриц, ты здесь?

— Здесь.

— Якоб?

— Здесь.

— Марта?

— Здесь, батюшка.

— А маленький Адик с тобой?

— Да.

Ганс открыл левый глаз:

— А кто на мельнице?

— На мельнице Карл, — успокоил старика Иоганн.

— Хорошо... — Ганс закрыл глаз. — Карл — хороший батрак, Иоганн, умный... Это плохо, когда батрак умный, за ним глаз да глаз нужен. Понял, Иоганн? Потому что мельницу я оставляю тебе. Ты у меня парень умный, ты справишься... Еще я тебе оставляю первые два этажа дома — у тебя семья, тебе нужно где-то жить. Поля... тоже тебе. И еще деньги... Они закопаны в горшке на мельнице. Помнишь, там старый жернов разбитый лежит? Под ним... — Старик помолчал.

— Фриц... Тебе я оставляю третий этаж дома, скотину и сад. И деньги. Они в саду закопаны...

— Отец, — Фриц потупился, — те деньги, что в саду закопаны, мы уже нашли.

Ганс открыл правый глаз:

— Под грушей?

— Нет, под яблоней.

— А, это не те... — Ганс закрыл глаз. — Твои — под грушей. Якоб...

— Да, отец.

— Тебе в наследство остается...

Дрожащая рука Ганса указала в сторону. Все посмотрели туда. На телеге, запряженной двумя жующими траву волами, сидел толстый серый кот.

— Кота? — нарушил длинную паузу священник.

Ганс открыл оба глаза и посмотрел туда же:

— Какого еще кота? Вы что, синее на зеленом, красной чернотой по желтому! Голубое с розовым и серо-бело-алое...

Все почтительно молчали. Старый Ганс был известным по всему Черному Холму мастером складывать цвета. Но сейчас он быстро выдохся, даже до бирюзового не дошел. Жаль, а то всем было интересно, что ж это за цвет-то такой. Никто не знал, а у Ганса скоро уже не спросишь.

— Не кота, — успокоился старик, — повозку с волами. Ты на земле работать не любишь, тебе дороги больше по нраву. И деньги... Под камнем у дороги закопаны. Помнишь, под тем самым, на котором мы отдыхали, я еще кувшин с молоком разбил?

— Помню, помню...

Еще бы не помнить: Ганс тогда ушел далеко за бирюзовый. Таких цветов и на свете-то нет, какие он тогда вспомнил.

— Эй, эй. — До Якоба внезапно дошло, что он остался без доли в доме. — А где я жить-то буду?

Но Ганс уже ушел в те края, в которых вопрос обеспечения жильем не заботит никого.

Якоб сидел на телеге и печально качал босыми ногами. Старого Ганса уже похоронили.

— Ты, Якоб, не думай, — хлопнул его по плечу Иоганн, — мы тебя из дома выгонять не будем. Братья мы или кто? И

прибыль с мельницы и с сада мы с Фрицем уже договорились на всех делить.

— Да нет, Иоганн, отец прав. Не нравится мне на земле работать...

— Да кому нравится-то? Просто горшок, который сам кашу варит, только в сказках и видели. А раз нет такого горшка — нужно работать.

— Прав отец, — покачал головой Якоб, — мне бы на телеге да на ярмарку...

— А продавать ты что будешь? Лунный свет и комариный звон? Сначала поработать нужно, потом продавать.

— А я не продавать, я купить хочу. — Якоб мечтательно зажмурился и упал на спину.

— Что же ты хочешь купить? — Иоганн лег рядом. Братья лежали на спине и смотрели в синее небо.

— Помнишь, к нам приезжали торговцы?

— Ну помню.

— Они рассказывали о том, что в дальних странах и городах происходит...

— Что-то кажется мне, даже в самых дальних городах слобные ватрушки на деревьях не растут и жареные куры по полям не бегают. Там тоже люди работают.

— Они рассказывали, — Якоб смотрел на облако, большое и белое, похожее на трехногую собаку с одним крылом и без хвоста, — про город Ксенотан...

— А там что, в неделе семь выходных и один рабочий?

— Нет. — Якоб повернулся на бок. — Там на полях растет волшебная пшеница. У нашей колос сам знаешь какой, сверху чуть-чуть, а потом пустая соломина.

— А там? — Вдохновенное лицо Якоба заразило даже Иоганна.

— А у ксенотанской пшеницы колос до самой земли. Представляешь, насколько больше зерна можно собрать с одного поля?

— Представляю. Как сложно будет такую пшеницу жать.

— Как жать — придумаем. Я хочу до Ксенотана доехать, купить там хоть мешок зерна этой пшеницы. Привезу, посею... Заживем!

— Что-то кажется мне, что все это сказки. Если б такая пшеница была, ее уже давно бы повсюду сажали.

— А я думаю, не сказки. Вот привезу мешок с зерном, тогда посмотрим.

— Ну привози. Посмотрим.

Деревня Черный Холм была деревней свободных крестьян. Они не были ни крепостными, у которых ни свободы ни земли, ни арендаторами, у которых свободы — хоть ложкой ешь, а земли — хоть в сундук прячь. Плати ренту и живи как хочешь.

— Добрый день, господин староста.

Деревенский староста Беккер вышел на крыльцо:

— Добрый день, Якоб. Слышал, вы с братьями сегодня отца схоронили. Я-то в городе был с утра, только что приехал.

— Да, господин староста.

— А как наследство поделили?

— Отец перед смертью успел всем распорядиться. Иоганну — мельницу и землю, Фрицу — скот и сад, а мне — вот... — Якоб махнул рукой в сторону телеги.

— Кота?! — удивился староста.

— Какого?..

На телеге сидел и облизывался тот же кот.

— А ну брысь, красное с зеленым!

Кот задрал хвост и вальяжно двинулся по телеге.

— Телегу с волами. И вот решил я поехать в город Ксенотан...

— Это где ж такой?

— Да не знаю. В Штайнце людей спрашиваю, там расскажут. В Штайнце все знают.

— Так тебе подорожную?

— Ну да.

Через четверть часа за пазухой у парня лежала свернутая в трубку и обернутая в пергамент бумага, в которой было написано, что он, Якоб Миллер, вольный крестьянин деревни Черный Холм, что в окрестностях города Штайнц, который в земле Унтеретюмпель, едет по торговым делам в город Ксенотан. Печать, подпись.

Через час телега с волами выехала из деревни Черный Холм. В ней сидел Якоб, одетый в лучшую одежду — черные штаны, белую рубаху, подпоясанную красным кушаком, чер-

ную жилетку с золотистой вышивкой. Сидел и покачивал бо-
сыми ногами. Сапоги, перевязанные веревкой, лежали ря-
дом, на соломе.

ГЛАВА 2

Копыта волов (левого звали Направо, а правого — Налево) мерно ступали по дороге. Поскрипывали колеса телеги. Якоб лежал на соломе и смотрел в небо. Скоро вечер.

Парень нашарил флягу с водой. Ее подарила ему перед самым отъездом Хильда, улыбнувшись и потеряв косу. Хорошая фляга, кожаная, с медными накладками. Может, после возвращения с ксенотанским зерном взять Хильду в жены?

Якоб поднес горлышко фляги к губам. Замер. Осторожно принялся.

Вода пахла родником и совсем немного — малиной.

«Спасибо тебе, заботливая Хильда. Вернусь — обязательно отплачу тебе добром за добро...»

Малиной пахла вода из источника Химбеере, достаточно было отпить несколько глотков — и полдня в кустах тебе обеспечено. Другой воды у Якоба не было.

Спасибо тебе, добрая Хильда.

Вот и камень, о котором говорил отец. Осталось достать деньги.

Вчера вечером Якоб еле дождался общинного поля, на котором можно было оставить на ночь волов и переночевать. Пришлось, конечно, отдать пару медяков.

Нет, можно, конечно, переночевать и в лесу. Бесплатно. Вот только здешние леса принадлежат местному властителю, барону Кройцшутталу. А если он обнаружит в своих лесах непрошенных ночевщиков, то вытряхнет не только последние деньги, но и последние штаны. Дорогой выйдет бесплатная ночевка. Ничейных лесов в округе уже давно не осталось. Дальше, правда, начнется Чернолесье, но ночевать там... Лучше уж сразу на кладбище.

Рано утром Якоб выехал, и вот он уже около заветного камня. Вот только камень-то немаленький, в три обхвата. А ста-

рый Ганс позабыл уточнить, где именно около камня спрятаны деньги. Придется искать наугад...

Лопата воткнулась в землю.

— Доброе утро, парень, — окликнул Якоба проезжавший мимо крестьянин. Его волосы остановились и завистливо посмотрели на пощипывающих на обочине травку волов Якоба.

— Доброе утро, уважаемый.

— Это зачем же ты камень-то обкапываешь? Думаешь, лучше расти будет?

— Да нет. — Якоб взглянул на глубокую канавку, окружившую валун уже на половину окружности. — Хочу выкопать да домой отвезти.

— Ишь ты. Это зачем же?

— Так на расплод. У меня, видишь ты, только самки, а тут смотри, — парень хлопнул по теплomu боку, — настоящий самец.

— Ты уверен? — прищурился крестьянин.

— Уверен, уверен. Точно самец.

— Ну, смотри. Куда хоть за расплодом приезжать?

— В Черный Холм.

— А, знаю, знаю. Дальше по дороге. Ты кто будешь?

— Якоб. Сын старого Ганса.

— Мельника, что ли? Знаю, знаю. Как он там?

— Вчера схоронили.

— Жаль, жаль... Хороший был человек, хороший... Ну, давай копай. Бог тебе в помощь.

— Спасибо, уважаемый.

Якоб повернулся к камню...

— Кар! — сказал огромный черный ворон, нахально усевшийся прямо на «самца».

— А ну кыш, красное с зеленым!

Птица улетела. Якоб бросил ей вслед комок земли и продолжал копать.

— Уф...

Канавка вокруг валуна замкнулась. Денег не было. Или отец что-то напутал. Или деньги кто-то нашел. Или...

— Черное по желтому с лиловым...

Увидеть ворона было очень плохой приметой. Конечно, если бросить в его сторону землю, то примета не сработает. Он же бросил... Может, что-то не то? Вроде и день сегодня не

постный, когда в ворона положено бросать не землей, а камнем... Или постный?

Якоб принялся было высчитывать дни — хотя когда это крестьянин пугал их? — как вдруг ему вспомнились точные слова: «...Под камнем у дороги закопаны...» Не у камня, а *под* камнем.

Вот болван!

Якоб поудобнее обхватил камень, крикнул, чуть приподнял...

— Эй ты, зелень красная!

Парень опустил камень на место и медленно повернулся. Неужели топот копыт за спиной не почудился?

Конь — скотина дорогая, и по карману только дворянам. А крестьянину с дворянином встречаться совсем ни к чему. Правда, если ворон не был плохой приметой, то это мог оказаться и обеспеченный горожанин...

Не оказался. Ворон, чернота синяя с красным... Подгадил все-таки.

Рядом с повозкой Якоба на лохматой соловой лошади восседал дворянин. Пусть одеждой он не очень отличался от самого Якоба, видно, бедный был, а сапоги, уверенно упиравшиеся в стремя, были и вовсе точной копией Якобовых — если отвернуть голенище, там можно найти маленького черного гномика, клеймо мастера Шумахера из Штайнца. Одежда не главное...

Дворянин может быть беден как церковная мышь, может носить хоть обноски — если у него на боку шпага, ему должны подчиняться все простолюдины, даже если они детям на сладости зараз дарят больше, чем у дворянина когда-то было в кошельке.

У кого оружие, тот и властитель.

Как там в городах, Якоб не знал, но крестьянам было запрещено носить любое оружие. Даже нож. Даже топор. Дома, в сарае — держи, из дома — не выноси. Хочешь дров в лесу — ломай хворост голыми руками.

У крестьян оружия нет.

У дворянина на коне — было.

— Ты что здесь делаешь?

— Камень окапываю, господин.

— Ты что, дурак, зелень красная? Зачем он тебе?

— Хочу отнести в деревню, чтобы посмотреть, не родятся ли от него детки у моих камней, господин.

— Кто тебе сказал, что у камней бывают дети, зелень красная?

— Отец, господин.

Удар плети ожег плечо Якоба.

— Ты такой же дурак, как и твой отец, — беззлобно произнес дворянин.

— Да, господин.

— Убери своих волов, зелень красная, с *моей* дороги!

Якоб подбежал к повозке и потянул волов в сторону.

Еще один удар:

— Поживее!

Волы сошли с дороги, Якоб низко поклонился, копыта дворянского коня застучали по дороге.

Многие дворяне думают, что спина у крестьян только для одного — как можно ниже сгибаться.

Парень выпрямился, подошел к камню и отбросил его в сторону. Во вмятине виднелись следы копки. Пара взмахов лопатой — и вот он, горшок. Якоб вытряхнул маленький кулек, развернул...

Двенадцать серебряных монет. Вот это да!

— Спасибо, отец! — Якоб сжал монеты в кулаке. — Ведь этого хватит, чтобы доехать до Ксенотана. Да еще и на зерно останется. Спасибо!

Двенадцать серебряных талеров — огромные деньги.

Якоб опустил деньги в сапог. Поморщился от боли в плече. Если первый удар только разорвал жилет и рубаху, то второй рассек кожу. Нужно зашить одежду. И кровь отмыть...

Что может сделать простой крестьянин с дворянином? Впрочем, Якоб, как вольный, мог обратиться в суд. Есть в королевстве особый суд для разбирательств тяжб крестьян с дворянами. Вот только, когда волки судят спор волка с зайцем, ушастому правым не бывать.

Наверное, слишком давно не горели дворянские замки. Восстание — иногда очень хороший способ доказать дворянам, как они неправы. Правда, поднять восстание в одиночку еще никому не удавалось.

Можно, конечно, уйти в леса и стать благородным разбой-

ником. Как Зеленый Айк, который со своими ребятами, говорят, шалит в здешних лесах. Говорят еще, что он грабит только богатых, а бедных, наоборот, оделяет деньгами.

Тут Якоб задумался. Совпадает ли его понимание слова «богатый» с пониманием Айка? Что, если благородный разбойник решит, что Якоб выглядит как раз как богатый?

Парень мысленно расцвел свое решение непременно добраться сегодня до Штайнца и заночевать не в поле в телеге под пологом, а в трактире. Деньги-то есть, можно первый раз в жизни... Теперь последнюю перед городом деревню он уже проехал, сейчас мимо телеги ползет лес. Тот самый, в котором, по слухам, и промышляет Зеленый Айк. Как-то не хотелось драться с ним и его ребятами... Вдруг он все-таки благородный?

Тут затрещали кусты, и на дорогу вывалился человек со шпагой в руках. Якоб вздрогнул...

Нет, не Айк. Он со своими молодцами ходил всегда в зеленом — оно в лесу-то и правильно, — а пришелец был одет в черное.

Черные высокие сапоги. Для поездок верхом. Мягкая кожа, тонкая подошва. Городской...

Черные штаны. Черная просторная куртка, под которой наверняка прятались разные убийственные штуки вроде ножей или маленьких арбалетов.

Якоб насторожился.

Широкополая шляпа.

Конечно, до Чернолесья далеко, да и кто их, городских, знает, может, они в таких и ходят... И все-таки уже сумерки и других примет не видно.

Черный незнакомец запрыгнул в телегу:

— Поехали!

— Да, господин. — Якоб тронул повозку.

Судя по тяжелому дыханию, кое-где порванной одежде и пропитавшимся кровью бинтам на левой руке, незнакомец выдержал тяжелый бой. Или он...

Тут рука пришельца наткнулась на флягу, так и валявшуюся в соломе: Якоб не нашел времени, чтобы вылить подсунутую Хильдой воду и набрать свежей и чистой. Парень впился глазами: пальцы черного незнакомца скользнули по медным накладкам...

Ничего не произошло.

Якоб выдохнул так шумно, что незнакомец дернулся, сжимая шпагу, но тут же расслабился и опустился на дно повозки:
— Поезжай давай. Заплачу.

Когда повозка уже приближалась к первым домам Штайнца — почти стемнело, — незнакомец прыгнул с телеги.

— Господин заплатит? — В ответе незваного попутчика Якоб не сомневался.

— Скажи спасибо, что не заплатил сталью, — буркнул тот.

— Спасибо, господин. — Якоб потянулся к фляге, увидев неподалеку колодец.

— Стой, — остановился незнакомец. — Дай!

Он требовательно протянул руку. Якоб отдал ему флягу, незнакомец жадными глотками высосал воду до дна:

— Тьфу, и вода у вас горькая...

Бросил флягу в повозку и исчез в темноте переулка.

Якоб сполоснул флягу у колодца, набрал свежей воды и направил неторопливых волов к трактиру «Зеленый филин», названному так потому, что лет сто назад у владельца трактира жил филин. Ручной. Потом он подох, и хозяин нарисовал на вывеске филина, переименовав трактир в «Филин». А потом от дождей и солнца краски филина позеленели.

О том, кем был и куда направлялся странный попутчик, Якоб не задумывался. Что там думать: по всем ухваткам видно, что дворянин. А чем там дворяне занимаются, в какие игры играют — простому крестьянину дела нет. Тем более что, куда бы незнакомец ни направлялся, его действия на ближайшие пару дней Якоб теперь мог предугадать.

В трактире парень завел волов в сарай, вручил мелкую монетку парнишке, чтобы дал сена, и прошел в зал.

Полутемное помещение, освещаемое только висящим под потолком тележным колесом со свечками. Тяжелые столы с такими же неподъемными лавками. Народа немного — кто ночью будет засиживаться в трактире? Разве что такие, как Якоб, задержавшиеся гости, да бессонные постояльцы. Крестьяне, приехавшие продать что-нибудь на местном рынке, погонщики скота, бродячие мастеровые. Народ спокойный. Кому здесь еще быть, в тихом трактире спокойного городка: пьяницам, задирам да распутным девкам, что ли? Не на проезжей дороге стоит.

Якоб договорился о ночлеге с хозяйкой трактира, крупной пухлой женщиной в белом чепце и фартуке. Комнату выбрал совсем маленькую, как узкий ящик, только и места, что кровать встала да табурет. И полка, чтобы свечу поставить. Якоб почти положил монету в ладонь хозяйки, как тут увидел...

— Погодите, уважаемая...

Да нет, откуда...

Он наклонился пониже, приблизил свечу...

Точно.

В углу комнаты возле табурета на стене чернело пятно плесени, совсем маленькое.

— Извините, уважаемая, я здесь ночевать не буду.

ГЛАВА 3

Рука сама нашарила за пазухой висящий на нашейном шнурке медный ключик.

— Ох-хо-хо, сыночек... — Расстроенная хозяйка разглядывала черное пятно. — Надо же... И откуда? Ладно бы сыро в комнате было, но ведь сухо...

Если она хотела этими словами успокоить Якоба, то своей цели не добилась, тот занервничал еще больше. Плесень в сыром месте еще может быть случайностью, плесень в сухом — однозначно след Грибного Короля.

Хозяйка вздохнула еще раз. Штайнц расположен слишком близко к Чернолесью, чтобы она могла надеяться уговорить постояльца все-таки переночевать в комнате.

— Ладно, сыночек, пойдем, поищу другую комнатку для тебя...

Если бы Якоб выдвинул какие-нибудь другие претензии, она, конечно, устроила бы скандал и прогнала докучливого и привередливого юношу. Но не при таких обстоятельствах. Тут вообще бы без постояльцев не остаться, если кто-нибудь узнает, почему она прогоняет Якоба.

Они вышли из комнаты.

Кто-то, сидящий в зале трактира, удовлетворенно кивнул и щелкнул пальцами. Плесень исчезла.

Новая комната оказалась еще меньше предыдущей, хотя казалось, меньше некуда. Она была такой же по ширине, но короче в длину, видимо, рассчитанная на карликов с боязнью

больших помещений. Но для Якоба подошла: на кровати он помещался, а длина его устраивала — сыновья старика Ганса высокими не были.

Якоб придирчиво осмотрел комнату, но плесени не нашел. Поблагодарил хозяйку, бросил котомку с вещами и решил пойти в зал, перекусить перед сном.

В зале было по-прежнему полутемно, народу немного. Три погонщика скота, тихо цедившие свое пиво, несколько крестьян и бродячих подмастерьев неопределенной профессиональной принадлежности. Еще кто-то незаметный сидел в самом углу.

— Что будет уважаемый? — к Якобу подскочила разносчица, видимо дочка хозяйки. Молоденькая, пухленькая, как раз во вкусе Якоба. Правда, неприятно напоминает проказливую Хильду, но что ж теперь, и на девушек не смотреть? Они все на Хильду похожи.

— Пиво... И мясо.

В очаге в углу зала потрескивал огонь, приятно пахло мясом и пивом, тихо разговаривали и стучали кружками посетители, сновала туда-сюда разносчицы, протирала стойку полотенцем хозяйка. Якоб оторвал зубами кусок сочного прожаренного мяса с шампура...

— Что за вонь!

В распахнутой двери стоял... стояло... стояла...

Девушка.

Или нет?

Вошедшая не походила ни на Хильду, вообще ни на одну знакомую Якобу женщину. И вообще на женщину не очень.

Девушка была худа, как будто ее не кормили последний месяц: узкие бедра, тонкие ноги, талия толщиной чуть ли не в руку. И при этом — большие груди.

И ярчайше-рыжие волосы, не пристойно спрятанные под чепчик, а огненной гривой разметавшиеся по плечам.

В зале наступила мертвая тишина.

Ладно внешность, болезни и не так обглаживают людей. Одежда.

Черная кожаная куртка, плотно обхватывающая те самые груди. Высокие сапоги на каблуках. И главное, штаны.

Ноги девушки были бесстыже одеты в черные кожаные штаны, так плотно облежавшие, что она казалась голой.

Народ замер. В таком виде на люди могла показаться только сумасшедшая.

Или дворянка.

Тут главное — не ошибиться.

Девушка зашагала к стойке, стуча каблуками сапог по доскам пола. И каблуки не широкие, устойчивые, а высокие, тонкие, как гвозди, блестящие сталью.

«Как она на них ходит? — озадачился Якоб. — Это ж все равно как акробат на ходулях на сельской ярмарке...»

Наверное, он слишком задумался и не успел отвести взгляд от сапог. Девушка, проходя мимо, резко повернулась: — Ты чего на меня уставился? Ноги понравились?

По залу прошелестел облегченный вздох.

Не дворянка.

Если дворянина узнать легко — у него на бедре всегда висит шпага, то с дворянками сложнее. Попробуй отличи, высородная обедневшая баронесса перед тобой или просто хамоватая крестьянка. Хотя на самом деле очень даже просто.

Дворянка *никогда* не обращает внимание на простолюдинов.

И уж тем более не станет обращать внимания на какие-то взгляды.

Для настоящей дворянки простолюдины все равно что животные. Многие из них преспокойно передевались перед слугами, рассуждая: «Вы же не будете стесняться своей собаки или коня? Почему же к слугам нужно относиться, как к людям?»

— Ну? — рывкнула девушка, наклоняясь к Якобу. — Ответь!

И еще одно. Дворянка не станет кричать, чтобы доказать свой статус. Он ей и так известен и доказательств не требует. Кричит только тот, кто не уверен.

— Понравились ноги? — издевательски спросила девушка, глядя прямо в глаза парню.

Странные глаза. Светло-сиреневые, прозрачные, ясные...

У людей таких не бывает.

— Нет, госпожа. — Якоб наклонил голову.

— Что? Тебе не понравились ноги? Хочешь сказать, у меня они некрасивые?!

— Нет, госпожа.

Остальные крестьяне оживленно шевелились, наблюдая округлые ягодицы девушки. Кто-то из тех, что помоложе, даже, судя по всему, намеревался подойти и познакомиться, чтобы лично убедиться в приятности и упругости выставленных напоказ округлостей. Насиловать, конечно, никто не станет, все-таки трактир и разбойничий притон — не одно и то же, но пригласить за стол, угостить кружкой-другой, невзначай потискать... Она же сама выставляет все напоказ — значит, не против. Не так ли?

Якоб смотрел в стол.

Если что-то выглядит слишком доступным — значит, ты чего-то не знаешь.

Если в незнакомом городе ты обнаружил возле колодца на центральной площади ничем не прикованный и никем не охраняемый ковшик из чистого золота — не торопись с радостными возгласами прятать его за пазуху. Люди здесь не глупее тебя, и раз до сих пор ковшик никто не унес, значит, и тебе не стоит этого делать.

Рыжая bestия выглядит доступной и беззащитной. Но она ведь не появилась на свет в дверях трактира. Раз она смогла добраться сюда, значит, может за себя постоять.

Следовательно, лучше с ней не связываться.

— Понравилась?

— Да, госпожа.

— Уже небось слюни потекли?

— Нет, госпожа.

— Что ты заладил «да», «нет». Ты что, тупой?

— Да, госпожа.

— Тупой. — Довольная маленькой победой над крестьянином, рыжая девушка выпрямилась и двинулась к стойке. За ее спиной Якоб одним глотком допил пиво из кружки и вместе с мясом скрылся в дверях коридора, ведущего к его комнате.

От мест, где появились непонятные девушки, чем дальше, тем целее.

— Ух ты... — Якоб осмотрел зал трактира, к утру немного изменившийся.

Вчера он в комнате доел мясо, прислушался к происходящему в зале — было тихо, — помолился и лег спать.

Спал Якоб, как все крестьяне, крепко, поэтому изменения в зале его крайне удивили.

Из всей мебели целой осталась только стойка. Да и та покрылась глубокими царапинами. Все лавки, тяжеленные, из толстых досок, были разломаны, обломки лежали большой грудой у очага. Столы пошли трещинами, от некоторых были оторваны доски столешниц, а где и столешницы целиком. Бледная как полотно служанка подметала осколки посуды, густо усеивавшие пол.

В зале было безлюдно.

— Уважаемая, что случилось? — обратился Якоб к хозяйке.

— Что случилось, что случилось... Ты, сыночек, единственный вчера умный мужчина оказался. Остальные, как задницу этой бесстыжей девки увидели, черное с золотым вместе с красным поперек голубого, так последний разум потеряли, что еще пивом не был залит...

Якоб оказался прав. Рыжая девушка очень даже могла за себя постоять.

Нет, никто не стал бы домогаться ее силой. Но обзывать всех находящихся в зале нехорошими словами только за то, что молодой парнишка ей предложил выпить пива вместе... Вот этого делать не стоило.

Цветастые ругательства в Нассберге были придуманы вовсе не просто так. Стерпеть оскорбления нассбергцы могли бы разве что из уст дворян. И то вовсе не истина, были случаи, когда слишком разоряющемуся дворянину влетали в бок вилы или сапожный нож. Вот и ругались с давних пор нассбергцы цветами: чтобы и свои чувства высказать, и чужих не задеть.

Первым, кто решил наказать рыжую за тот грязный поток, который вылетал из ее ротика, оказался тот самый парень, с которого все и началось. Он протянул руку, чтобы бросить наглуую девчонку на колени да отшлепать...

Неуловимое движение — и рука была сломана в двух местах. Завывающий парень упал на колени. Крестьяне вскочили с мест.

В зале завертелась карусель драки.

Не обычной кабацкой драки, которые случаются там, где собирается много пьяных и злых мужчин. Там все просто —

все дерутся со всеми. Здесь же все нападали на одну девушку. Пытались нападать.

В центре зала как будто крутился рыжий огонь: девчонка махала руками и ногами с такой скоростью и так ловко, что нападавшие даже не успевали заметить, откуда был нанесен удар. Кулаки, пальцы, острые носки и каблуки сапог — все шло в ход, нанося урон.

Первая волна откатилась, крестьяне тяжело дышали, глядя на неуязвимую девчонку. Та выпрямилась, невозмутимо откинула назад упавшую на глаза прядь:

— Скажите спасибо! Я бы убила вас всех, если бы захотела.

Не увидев на лицах оппонентов ожидаемой благодарности, она зло оскалилась:

— Я вижу, хорошего отношения вы не цените. Ну что ж...

Тут хозяйка остановила рассказ.

— А дальше-то что было? — Якобу уже стало интересно. — Кто столы поломал?

— Дальше она сделала вот так... — Хозяйка попыталась изобразить, как именно рыжая девчонка выставила руки и стала похожа на кошку. Толстую такую, упитанную. — Вот так, значит, сделала... А потом...

Пауза.

— Потом?

— Потом заклятие выкрикнула. — Хозяйка с торжеством взглянула на Якоба. Она-то все это видела. Про убытки хозяйка уже слегка подзабыла. Что такое убытки по сравнению с такой интересной историей?

— Заклятие?! Это же значит...

Хозяйка кивнула:

— Ведьма.

Это все объясняло. И странную внешность, и одежду, и наглое поведение — ведьмы они вообще злые, и неуязвимость в драке. Вот только...

— А как же она смогла колдовать? — Якоб кивнул на стоящую на полке за стойкой деревянную статуэтку святого Аманда, худого, иссохшего, грозящего кому-то своим посохом. Кто, интересно, выбрал покровителем трактиров именно этого святого, совершенно на чревоугодника не похожего? Почему не святого Олафа?

— А никак. Перед святым ликом ни одна ведьма колдовать

не может. Вот и эта пальцы погнула, покричала, а ничего. Пшик!

Хозяйка благодарно погладила святого Аманда, как будто тот ожил и лично прогнал ведьму, колотя посохом по худым ягодицам.

Якоб кивнул. Верно. Какой бы ни была сильной ведьма или колдун, там, где находится святой образ, никакое колдовство не получится.

Колдовство — оскорбление Бога. А он терпелив, но оскорблений не любит.

— Отчего она тогда колдовала? Не знала, что ли?

— Молодая еще, глупая. Мужчины решили, что теперь они с ней справятся...

Нассбергские крестьяне не испугались бы даже дракона, появившись тот и начни дышать огнем. Что уж говорить о ведьме?

— Справились?

— Да где там... Тут-то мебель в ход и пошла.

Летали лавки, трещали столы под тяжестью падающих тел. Наконец крестьяне признали поражение и скрылись за дверью. Девчонка-ведьма взмахнула последней уцелевшей лавкой, разнесла ближайший стол, после чего заявила, что здесь ей разонравилось, и отправилась куда-то в другое место.

Наверное, этой ночью в городе пострадал не один трактир.

Якоб доел мясо, посочувствовал хозяйке и отправился проведать свою повозку с волами. Повезло, что сегодня выходной день, базар шумит вовсю. В большой толпе продавцов, покупателей и празднующихся легче будет найти человека, который знает, где находится Ксенотан и как туда добраться.

Повозка медленно катилась по булыжной мостовой, Якоб натягивал сапоги, вспоминая цвета — сапоги слегка ссохлись, и не обратил никакого внимания на сидящего на низком суку ворона.

— Кар! — сказал тот.

— Ты был прав, Берендей, — произнес кто-то, глядя в спину Якоба, — этот парень нам подойдет. Тем более что он, пусть и случайно, ввязался в нашу битву.

— Кар!

— Не думаю. Он не только силен. Он также смел и неглуп.

Справится. Пойдем, нам ведь нужно направить его в нужную сторону...

— Кар! — Ворон сорвался с сука и полетел, тяжело взмахивая крыльями.

В сторону рынка.

ГЛАВА 4

Молодая девушка с тоской смотрела в маленькое зарешеченное окно. За окном была свобода.

Если честно, за ним была только высокая каменная стена, окружавшая дом. Даже если и сумеешь протиснуться в узкий проем, нужно еще выбраться за пределы двора...

Девушка с трудом представляла, что будет делать на свободе, — дворянские девушки привыкли, что о них постоянно заботятся либо родители, либо муж, — но она совершенно точно знала, что здесь ей быть не хочется.

Многие девушки мечтают о муже. Чтобы он был красивым, богатым и знатным. В идеале — принцем. Хотя, конечно, мужа для знатной девушки выбирает отец. Казалось бы, на кого может рассчитывать дочь пусть и знатного, но совсем небогатого дворянина, управляющего Штайнца? Далеко не принцесса. Совсем даже не принцесса. Появившийся жених — красавец, богач, граф казался волшебным подарком и девушке, и отцу.

Кто же знал, что в доме мужа она превратится в заложницу?

Принцы для бедной дворянки появляются только в сказках.

Тонкие пальцы ожесточенно затрясли решетку.

Что такое городской рынок для деревенского парня? Некая помесь ада и рая. Здесь толпы народа, все суетятся, кричат, суют тебе в лицо разнообразные товары, тем настойчивее, чем меньше тебе их барахло нужно. Стоят запахи, возле кузниц и мастерских и вовсе напоминающие адские, надрываются нищие, как будто они требуют не подаяние, а положенную им по закону мзду, снуют туда-сюда пронырливые людишки с острыми глазами карманников. Как топор через кисель, проходят городские стражники, изредка мелькают

блестящие стволы ружей солдат, снуют служанки с корзинами, полными зелени, шествуют одетые в строгие черные костюмы священники, и можно заметить даже высокого мрачного человека, перебирающего пучки петрушки в поисках самых свежих. Якоб прошел бы мимо, но в уши ему влетел шепоток почтительно обходящих человека покупателей: «Господин городской палач...»

Услышав о палаче, Якоб решил пройти на соседнюю площадь, где народа было не меньше. А вдруг именно сегодня кого-нибудь вешают?

Виселица на самом деле не пустовала, но зрелище Якобу, в отличие от довольной толпы, не понравилось. Сегодня вешали крестьянина, который ударил дворянина.

Помощники палача — не заниматься же самому такой пустяковой работой? — сноровисто накидывали петлю на шею казнимого. Крупный крестьянин с мощными руками, связанными за спиной, стоял, ожидая смерти. Наверняка очень сильный человек, и пострадавшего дворянина не видно вовсе не потому, что он не хотел бы посмотреть на казнь своего обидчика.

Кровать очень неудобно пронести через толпу.

Сильный человек. Вот только сила одного человека ничего не значит там, где сталкивается с законом.

Якобу вспомнились слова старого Ганса. Любил тот по вечерам рассказывать сыновьям разное...

Закон — это то, что скрепляет общество для защиты от врагов, внутренних и внешних. Народ с законом — как камень. Народ без закона — песок.

Красивые и правильные слова, говорил Ганс, вот только законы пишут не всем народом. Есть люди, которые взялись эти законы писать. Писать-то обещали для всех, да только где ж таких честных найти, чтоб при этом о себе не думали. Так и получилось, что законы пишутся только на пользу тем, кто их пишет. Не всему народу закон служит, а только тем, кто власть имеет. Те, кто законы пишет, законом в камень объединены, как жернов, а остальной народ — как зерна в мешке, без всякой сцепки. Даже самое крепкое зерно жернов всегда разотрет в муку.

Ганс, понятное дело, говорил о дворянах и крестьянах.

Якоб вернулся на рынок в подавленном настроении, но торговая суматоха быстро развеяла уныние. Парень вообще не умел долго грустить.

Тем более что на рынке было *все!*

Скот, одежда, обувь, посуда, овощи, фрукты, сласти, инструменты, игрушки, украшения, телеги...

Якоб ходил от рядов к рядам, от прилавков к прилавкам, от мастерской к мастерской и понимал, что оторваться от этой россыпи товаров не может.

Рынок гудел, передавая от человека к человеку свежие городские новости, сплетни и слухи. Самой главной новостью было появление рыжей ведьмы.

Кроме несчастного «Зеленого филина» ведьма разнесла еще один трактир, потом сцепилась на улице с отрядом городской стражи, который раскидала колдовством — бросила в стражников огненный шар. После этого она то ли утихомирила свою злость, то ли поняла, что если и дальше будет бросаться на всех как бешеная собака, то останется без ночлега. По крайней мере в третьем, самом дорогом трактире он вела себя уже относительно спокойно, в драку не ввязывалась, сняла комнату и заказала ужин. Рано утром ведьма проехала через городские ворота по направлению к столице. Наверное, узнала или почувствовала, что долго ей здесь не задержаться. Либо горожане изловят и оттащат к господину городскому палачу, а уж тот сообразит, как с ней справиться, либо...

В городе ожидается прибытие монахов из Шварцвайсского монастыря.

Что только не рассказывали про таинственный монастырь в Шварцвайсе. Говорили, что нет не только в стране, но и во всем мире более рьяных борцов с колдунами и ведьмами, чем монахи из Шварцвайса. Что там, где появляется братия в черных рясах и тяжелых сапогах, подкованных белой сталью, там колдунам и ведьмам никакого пути нет. Что монахи выискивают любую нечисть не хуже, чем натасканная собака идет по следу лисы. Говорили, что нынешний король страны, генерал Вальтер Нец, настолько ненавидит колдовство, что договорился с церковью о том, что Шварцвайсский монастырь бу-

дет подчиняться лично ему и будет заниматься только охотой на ведьм.

Говорили и другое.

Что монахи из Шварцвайса — сами колдуны, все до одного. Что за высокими стенами их монастыря никто и никогда не слышал колокольного звона, что пойманных колдунов монахи пытаются не для того, чтобы те признались в черном чародействе, а для того, чтобы вызнать все их тайны. Что пойманных ведьм... Ну, что пойманные ведьмы тоже идут у монахов в дело.

Говорили даже, но совсем тихо и только на ухо, что король генерал Вальтер Нец и сам колдун и именно колдовством он сумел получить корону десять лет назад.

Многое говорили. Разное.

Всего через два часа парень понял, что если он купит все, на что у него разгорелись глаза, то ему понадобится не двенадцать талеров, а те самые два мешка, только не с зерном, а с серебром. И не один воз с двумя волами, а целый караван.

Якоб вздохнул, выгнал из головы мечты о красивом кожаном ремне... и фляге с чеканкой... и звонкой косе... и новенькой белой рубашке... и ярко-алом поясе... и даже о медовых коврижках.

Он решил купить только одну вещь, которая совершенно точно понадобится ему в поездке.

Большой медный черпак.

Приглянулся Якобу даже не сам черпак, а его рукоять — тоже медная, длинная, почти в руку широкая, прочная, с узким переходом в чашку, обмотанная сверху узким кожаным ремешком.

Очень полезная вещь. Ведь парню еще через Чернолесье ехать.

— Что смотришь, сынок? — обратился к Якобу медник, кряжистый мужчина в рабочей одежде и кожаном фартуке. — Покупай, мать варенья наварит!

— Сколько?

— Два галера.

Сколько? Только что такой же черпак купили за дюжину грошей. Всякий продавец задирает цену, но не в четыре же раза!

— Нет, уважаемый, этот замечательный черпак больше десяти грошей не стоит. А то и восемь.

— Это где же ты, сынок, такие цены видел? — Медник выпрямился. И плечами и ростом он превосходил невысокого Якоба.

Парень вспомнил, как в таких случаях торговался его отец, до того как болезнь скрутила его. Якоб подошел к большой наковальне — зачем она меднику? — и хлопнул по ней:

— Эта цена, уважаемый, написана на нижней части вот этой самой наковальни.

— Да ну... — Медник начал было ухмыляться.

Якоб взял наковальню за рог, поднял и поднес к лицу медника:

— Вот, посмотрите, уважаемый. — Якоб провел пальцем левой руки по подошве наковальни, стряхивая прилипшую землю. — Видите?

— Э... Ты не из Черного ли Холма?

— Оттуда.

— Сын мельника Ганса, что ли?

— Его.

— Ладно. Давай свои гроши. А наковальню на место поставь!

Якоб в прекрасном расположении духа шел по рынку, размахивая черпаком.

— Эй, сынок, ты что это творишь?

— Простите, уважаемая, моя вина.

— Конечно, твоя! Чуть не зашиб, желтая с пурпурной! Взять бы этот черпак да тебе по котелку!

— Не ругайтесь, уважаемая! Хотите, я вас поцелую в знак примирения?

— Уйди, негодник! Ты мне во внуки годишься!

— Какие внуки, уважаемая? Разве что в старшие сестры. Женщина расхоталась и замахала на Якоба руками.

Парень раскланялся, подхватил черпак под мышку и отправился к выходу, где его уже заждалась пара волов Направо и Налево.

У самого выхода продавали скот. Шум стоял...

Гоготали упитанные гуси, заполошно кудахтали куры.

Блеяли на разные голоса овцы и бараны. Жалобно мычали коровы и густо, солидно — быки.

Один из продавцов чем-то заинтересовал людей: вокруг него столпились покупатели, что-то шумно обсуждая и перегораживая проход. Якоб ужом ввернулся в толпу, чтобы протиснуться поближе. Интересно же!

Да, товар того стоил. Огромный крутолобый бык, с заросшей кудрявой шерстью башкой величиной с пивной котел. Шерсть на боках прямо-таки лоснилась, отблескивая каждый раз, когда бык пошевеливался, и под шкурой играла волна мышц.

Вот это бык... Якоб бы купил такого, но с его деньгами соваться сюда нечего было и думать: возле быка уже стояли несколько зажиточных крестьян, в кожаных жилетах с медными — Якоб тоскливо вздохнул — начищенными пуговицами. Торг шел уже даже не с продавцом, а друг с другом, кто даст за быка больше.

Хозяин, невысокий старик с длинными седыми волосами, спадающими на глаза, только поворачивал голову от одного спорщика к другому.

Наконец один из крестьян порылся в кармане жилета, извлек крупную монету и хлопнул ее на ладонь. Монета блеснула желтым. Золото!

Все так и подвинулись поближе. Похоже, не только Якоб видел золото первый раз в жизни.

Два других покупателя завистливо вздохнули и развели руками — мол, твой товар, нам выше не потянуть.

Старик-продавец зажал в морщинистых пальцах монету: — Забирай, уважаемый, твой он отныне...

В голосе старика чувствовалась жалость. Наверное, бык, которого он кормил, поил, выпасал, стал для старика как родной ребенок.

Довольный покупатель протянул руку за веревкой, привязанной к рогам. Старик потерябил в руках конец веревки, вздохнул:

— Знаешь, уважаемый, мне ведь этот бычок как родной сын был. Не позволишь хоть память о нем оставить? Вот эту веревку забрать? А я тебе... Да хоть вот эту опояску дам.

Якоб вздрогнул. Забрать хоть кусок от проданной вещи

или позволить забрать что-то от купленной — примета очень плохая.

Народ в толпе не обратил внимания, а вот покупатель вздрогнул не хуже Якоба:

— Веревку забрать? Веревочку?

Он пристально взглянул в глаза старика. Попытался: глаза старика плотно завешаны волосами.

— Веревочку?! — внезапно взревел крестьянин-покупатель — Да ты же колдун!

Толпа ахнула.

— Думаешь, двадцать лет прошло, так никто ваших колдовских штук не помнит? Когда на рынке продают быка или лошадь, а потом на память просят веревку или уздечку?

Старичок продолжал молчать, теребя веревку. Покупатель разорвался:

— Пожалеешь, отдашь. А потом ведешь купленное домой, а конь — порск! И в ворона превращается! Ни денег, ни коня!

— В ворона, говоришь? — неожиданно скрипучим голосом — так говорила бы ожившая деревяшка — промолвил старик.

Толпа закричала и шарахнулась.

Только что, вот только что на утоптанной площадке стоял огромный спокойный бык и маленький старик. И — раз! Бык и старик рассыпались тучей отчаянно каркающих ворон.

Только на землю упала золотая монета.

Хлопающие крыльями вороны взлетели вверх двумя стаями, соединились в одну и полетели, скрываясь за острыми крышами домов.

Если бы нашелся человек, проследивший за полетом стаи, то он увидел бы, как вороны слились воедино, превратившись в крупного черного ворона.

Ворон сделал круг над городом и вернулся обратно к рыночной площади. Уселся на коньке одного из домов и принялся наблюдать.

Сердце Якоба билось, колотясь о ребра. Ладно вчерашняя рыжая ведьма, в конце концов, он не видел, как она колдовала. Но здесь только что на его глазах совершилось самое настоящее колдовство!

Другие люди в толпе молчали, чувствуя то же самое.

— Эй, — сказал кто-то в толпе, — а ведь этот парень с ними заодно!

Все повернулись к Якобу:

— К стражникам его!

ГЛАВА 5

— Ты колдун?

— Нет, господин.

— Ты колдовал на рынке?

— Нет, господин.

— Ты знаком с колдуном?

— Нет, господин.

— Ты другие слова знаешь, кроме «нет, господин»?

— Да, господин.

— Ты издеваешься надо мной?!

— Нет, господин.

Вольфганг Шнайдер понял, что хочет убить этого невозмутимого мальчишку, сидящего на табурете в камерке городской стражи и односложно отвечающего на вопросы.

Труд дознавателя городской стражи на первый взгляд прост и понятен: допросить задержанного, решить, к чьей юрисдикции относится преступление: городской стражи, если это, скажем, нарушение общественного порядка, королевского суда, если это фальшивомонетничество или оскорбление величия, церковной епархии, если это колдовство или связь с демонами.

А что делать сейчас? Вот этот мальчишка? Он колдун? Извините, а есть свидетели? Свидетели-то есть, но все рассказывают про быка, превратившегося в ворон, а мальчишку никто не видел. Не удалось даже найти того, кто закричал, что парень заодно с колдуном. Кричавший растворился в толпе, словно ложка меда в кипятке.

— Ты не колдун?

— Нет, гос... Я не колдун, господин.

Якоб понял, что его смерть находится слишком близко и лучше ее не звать.

— Тогда что это?

На стол перед парнем с грохотом упал шнурок, сорванный с его шеи при задержании.

— Что это?

Толстый палец дознавателя уткнулся в предметы, висящие на шнурке. Сросшиеся орехи, девять сухих горошин из одного стручка, серебряный грош королевы Хельги, деревянный образок святой Карины, волчий зуб, обугленный сучок...

Якоб поднял взгляд:

— Это мои талисманы, господин.

— Талисманы? И еще говоришь, что ты не колдун, зелень красная?!

— Нет, господин.

— Что «нет»?

— Такие талисманы есть у каждого крестьянина в Нассберге, господин. Я не колдун, господин.

— У каждого... Откуда ты только такой взялся?

— Из Черного Холма, господин.

— Это где ж такое?

— Здесь неподалеку, господин.

— Церковников на ваш холм нет... Вот это для чего? —

Шнайдер указал на обугленный сучок.

— Сучок от громового дерева, господин, — пояснил

Якоб. — Прогоняет ночные страхи.

— Страхи... Вот это?

Якоб взглянул на медный ключ:

— Это — от Грибного Короля и его слуг...

— Что?! — неожиданно громко вскрикнул ошеломленный дознаватель. — Медь помогает от Грибного Короля?!

Такой вопрос ошеломил уже Якоба.

— А вы что, не знаете, господин?

Дознаватель сел:

— Откуда?

— Как это откуда, господин? — Якоб был поражен, как человек, встретивший того, кто не знает, что под водой нельзя дышать. — Все крестьяне, живущие около Чернолесья, знают это. Грибной Король и его слуги боятся меди, поэтому нужно всегда носить с собой что-нибудь медное. А лучше держать в руке.

Шнайдер помолчал:

— У меня товарищ... пропал в Чернолесье. Никто же не предупредил, что достаточно кусочка меди...

— Ну, тут не так просто, господин. — Якоб проникся искренним сочувствием к немолодому человеку. Терять друзей всегда тяжело, а уж в таком возрасте, когда новые заводятся очень трудно... — Для полной уверенности нужно знать приметы слуг Грибного Короля и его отродья, а еще...

Дверь в каморку распахнулась.

— Вольфганг! Черное с красным, желтое по синему через голубое с зелено-алым! Ты что здесь делаешь?

Судя по желто-зеленому мундиру, вбежавший тоже относился к городской страже, судя по роскошному плетению на груди из галунного шнура — был не менее чем начальником стражи.

— Допрашиваю подозреваемого в колдовстве, господин начальник!

В повисшей тишине можно было услышать тихие шаги смерти, приближавшейся к Вольфгангу.

— Подозреваемого?! Да в городе переполох, колдунов не видели разве что в соборе, а он тут терзает крестьянского мальчишку! Выгнать его и бегом в город — ловить колдунов!

«Когда ловишь медведя, — со скрытой усмешкой подумал Якоб, — главное, чтобы он не поймал тебя».

Да, переполох был знатный. Колдуны после происшествия на рынке как будто с цепи сорвались. За те полдня, что Якоб провел в городской страже, уже произошло следующее.

Загорелся дом одного из городских торговцев. Внезапно и мгновенно. Слепительно яркое пламя охватило дом от фундамента до конька на крыше. Когда же соседи подбежали к пожару с ведрами и баграми, пламя исчезло, не оставив на белых стенах даже следа.

Из городского колодца на площади послышался страшный рев. Заглянувшие внутрь смельчаки никого, кроме собственного отражения в воде, не увидели.

К телу повешенного крестьянина слетелось огромное множество воронья, превратившегося в гигантского мертвеца. Тот высунул синий язык, прорычал что-то невразумительное, и опять рассыпался воронами.

Рыбы на лотках торговки на рынке вдруг все как одна рас-

крыли рты и слаженным хором запели непристойные песенки.

На конек одного из домов вспорхнул огненно-алый петух величиной с вола и задорно прокукарекал громовым басом. После нескольких выстрелов стражников петух рассмеялся по-человечески и исчез.

Да, если одной рыжей ведьмы не хватило, чтобы раскатать шварцвайских монахов, то теперь их прибытие — только вопрос времени. Того времени, которое им понадобится, чтобы прискакать в Штайнц.

У окна, выходящего на площадь с колодцем, стоял высокий пожилой человек лет пятидесяти. Узкое изможденное лицо, усталый взгляд покрасневших глаз, но пальцы твердо сжимают эфес шпаги, а спина по-прежнему пряма.

Альберт цу Вальдштайн, управляющий городом, прислонился лбом к холодным квадратикам оконных стекол. Когда же кончится этот день...

Последнюю неделю цу Вальдштайн хотел быть мертвым. Человеком, от которого ничего не зависит.

Управляющий был верным слугой короля генерала Вальтера Неца. Кроме того, он был умным и много повидавшим человеком, поэтому не растерялся, когда среди городских дворян и окрестных землевладельцев начались тихие шепотки о том, что нынешний король власть получил незаконно и нужно убрать его и надеть корону на того, кто имеет на нее право. Правда, определенности в точной кандидатуре не было. То ли вернуть корону Новой династии, то ли Старой. Или вовсе выбрать всенародным — то есть вседворянским — собранием настоящего, совершенно законного короля.

Цу Вальдштайн был настоящим управляющим. Поэтому Штайнц и окрестности остались верными королю генералу Нецу. Несогласных управляющих задавил, сомневающихся — запугал, и только от сильных пришлось откупаться.

«Ирма... — с грустной улыбкой подумал управляющий. — Казалось бы, ей уже восемнадцать, и все равно я никогда, даже мысленно, не называл ее дочкой...»

Единственную дочь цу Вальдштайну пришлось отдать. Вон там, сразу за высоким зданием городской стражи — особняк, где сейчас сидит Ирма. Управляющий знал, что больше

никогда ее не увидит. И если она сбежит от своего нового мужа, придется вернуть ее обратно.

Договор есть договор.

«Мой долг — навести здесь порядок. И я это сделал. Даже такой ценой».

Смертельно усталый человек у окна мог сказать, что порядок здесь наведен. Он видел только один недостаток: лояльность Штайнца и окрестностей сильно зависела от него.

Тут цу Вальдштайн ошибался. Лояльность держалась исключительно на нем одном.

Якоб вышел из дверей городской стражи, невольно прищурился. Вечерний свет после полумрака каморки резал глаза.

Он вскинул на плечо котомку. Где же упряжка?

Волы стояли рядом со стражей, в узком переулке, зажатом между двумя каменными стенами. Никогда в жизни они бы здесь не оказались, если бы Якоба не задержали.

Парень бросил котомку в пышную кучу сена, окинул взглядом свои вещи. Полог, мешки, черпак, котелок... Все на месте. Даже фляга, подарок вредной Хильды, и та лежит себе, поблескивая накладками.

Надо воду сменить.

Якоб тронул упряжку и медленно двинулся к городскому колодцу.

На площади толпился народ. К счастью, не возле колодца, там как раз было пусто. Люди слушали взгромоздившегося на бочку оратора: мужчину с развевающимися волосами, в лохмотьях, при жизни бывших монашеской рясой.

Якоб отвинтил пробку, машинально нюхнул горлышко фляги... Замер.

Вода должна была пахнуть колодцем, он же набрал новую при въезде в город. Сейчас вода во фляге пахла иначе. Запах родника и совсем чуть-чуть — трав.

Парень недоуменно потряс флягу. Кто-то заменил воду. Кто? И зачем?

Якоб медленно перевернул флягу, наблюдая, как вода тонкой струей вытекает на булыжники мостовой.

В неизвестных доброжелателей он не верил и пить эту воду не собирался.

Пока о булыжники разбивалась водяная струя, Якоб невольно прислушался к речам бочечного оратора.

— Нашли, — возглашал тот, — нашли в старом монастыре древнее пророчество. Пророчество! И сказано в нем было... Было сказано в нем...

«Пророк» то ли забыл, о чем шла речь, то ли нагнетал напряжение в слушателях.

— Сказано было в том пророчестве, — оратор откинул от левого уха узкую белую прядь волос: — «Придут времена темные и ужасные. Слезы будут литься в Нассберге, течь рекой будут они. Но пройдет время, и восхвалит народ время слез, ибо придет ему на смену время кровавых рек! Темный Властитель, слуга зла, порождение ада, раскинет свою сеть над несчастной страной. Черная белизна будет рыскать по стране, карая виновных, а пуще того невинных. Но придет спасение! Придет! Выйдут из сени листвы два человека: юноша и девушка. И будет юноша тот неизвестным сыном старого короля, а девушка — неизвестной дочерью нового. И вместе, взявшись за руки, свергнут они Темного Властителя, и воссияет солнце добра и справедливости над землей Нассберга! Но будет это, только если два героя будут опираться не на песок, но на камни. Если все люди Нассберга вместе поддержат их. Тогда и только тогда зло падет!» Так говорит пророчество. Так и будет!

Народ зашумел, обсуждая слова пророчества.

— Все, все видели, что сегодня творилось в городе! Вот они, первые ласточки кровавого времени! Вот они — следы Темного Властителя! Верьте мне!

Буль-буль-буль... Фляга наполнилась, Якоб заткнул ее пробкой и направил повозку к городским воротам.

Чего только не придумают досужие любители поговорить перед толпой. Все это слушать, что ли?

— Кар!

— Ну, Берендей, я же не могу никогда не ошибаться. С водой не получилось, но, может быть, все получится само собой? Как думаешь?

— Кар!